

Пять разных рассказов

Наталья Потапова

16+

Наталия Потапова

Пять разных рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60369862

SelfPub; 2020

Аннотация

О чем расскажут эти пять историй? О победе над шумными соседями. О судьбе спасенной воробьихи. О превратностях жизни пенсионеров на ПМЖ. О мести непризнанного гения. Об интервью кота испанской газете. Или о том, что «никогда не знаешь, что найдешь, что потеряешь»? Легкое, весёлое, занимательное и познавательное чтение.

УЖЕ БЫТ

Евгений Борисович Картасонов – в обиходе просто Жека – твёрдо решил стать писателем. Известным писателем. Ибо какой смысл писать, если тебя не публикуют? Основной для такого намерения было предостаточно. С детских лет чистый лист бумаги манил к себе Жеку, и он этому притяжению не противился. Школьные сочинения давались ему легко, участие в любительских литобъединениях он принимал самое активное, к высоким оценкам и похвалам в свой адрес привык и воспринимал их как должное. Покойный отец, мать, немногочисленные приятели и даже сердечная подружка (кстати, выпускница пединститута) его литературные опыты одобряли и гордились близостью к особому человеку – ПИСАТЕЛЮ!

Последнее время Евгений Борисович был занят написанием романа – многопланового, с элементами фантастики, изобилующего лирическими отступлениями и описаниями. К другим жанрам Жека относился снисходительно, полагая, что только в романе талант автора может прозвучать в полную силу. Писал он быстро, обильно, почти не перечитывая написанное, боясь не успеть поделиться с будущим читателем богатством своего творческого воображения. Промелькнувшие в голове мысли и возникшие в его воображении ситуации тотчас записывались, а вечерами Евгений Борисович спешил зафиксировать увиденное или услышанное за день.

Мать, благоговевшая перед своим одарённым сыном,

негромко стучала в плотно закрытую дверь его комнаты: «Евгеша, ужин остывает. Поешь немного, я куриные котлетки пожарила». И, не решаясь повторить свой жалостливый призыв, ждала под дверью, надеясь, что он почувствует её присутствие и выйдет, чтобы подкрепить силы перед поздним бдением. Временами Евгений Борисович испытывал острую потребность озвучить написанное, и тогда счастливая Елена Петровна усаживалась поудобнее и, подперев щеку рукой, не сводила влюблённых глаз с сына, выразительно проговаривающего свой текст. Ну, с этим читателем всё было ясно.

Однако хотелось большего внимания и к роману, и к себе как к автору. Сотрудникам страховой компании, где ему приходилось зарабатывать на хлеб насущный, Жека своих работ не читал. Их мнение его не то чтобы не волновало, просто он знал наперёд, что художественное слово не входит в сферу их интересов. А в покровительственные фразы типа «ну, старик, ты супер» или «цепляет, цепляет твой текст» он не нуждался. Во-первых, неискренне, а во-вторых, он и сам знал себе цену! Реакция прекрасной половины была не менее предсказуема: «Ой, Жека, не обижайся, ну запарка полная, совсем времени нет читать!» Конечно, разве останется время после изучения гламурных журналов, да ещё и любовный роман в розовой обложке на тумбочке томится, недочитанный!

Нет, он жаждал отзывов серьёзных, продуманных, а луч-

ше всего – профессиональных. Словом, свои надежды Евгений Борисович возлагал на неизвестного, но достойного редактора из солидного московского издательства, главное назначение которого, если верить рекламе, заключалась в «открытии миру и читателю новых талантливых имён». Сомнений в том, что имя Евгения Картасонова займёт в этом ряду подобающее место, у Жеки не было.

И вот долгожданный день настал. Сегодня он пойдёт в издательство, чтобы предложить рукопись романа и познакомиться с редактором. Звонить заранее, договариваться о встрече не стал – ну кто же объясняет такие вещи по телефону! Аккуратно пронумерованные страницы были бережно уложены в специально купленную папку (из толстого чешского картона, с надёжными эластичными тесёмками в тон). Папка с трудом поместилась в сумку-планшет, но класть рукопись в рюкзак, который, закинув за плечо, обычно носил Жека, он поостерегся – толкнёт кто или об угол ударится, папка вид потеряет.

Утром, пока брился, ещё раз продумал разговор с редактором. Схема такая: о себе сообщит только самые необходимые сведения, упомянет (как бы между делом) этапы литературной учёбы, в общих чертах обрисует фабулу и сюжет романа. И, со смущённой улыбкой передавая папку заинтригованному редактору, понизив голос, с уверенностью заметит: «Начнёте читать, и всё поймёте без предисловий. Уж не обессудьте». Вообще-то просьба не судить слишком стро-

го противоречила уверенному настрою Евгения Борисовича, но сама фраза ему чрезвычайно нравилась – она, словно мешочек с сухой лавандой, хранила тонкий аромат классической литературы... Тщательно побрившись, Жека придирчиво рассмотрел себя в зеркало и остался доволен. Проникновенный взгляд темных глаз под припухшими (в результате ночных бдений) веками, высокий лоб, казавшийся ещё выше из-за ранних залысин, нервные сухие губы – портрет не воина, но мыслителя!

– Евгеша, давай я тебе ещё бутербродик сделаю, – суежилась мать, пододвигая к нему тарелку с дрожащей глазуньей. – Ты ведь не на работе будешь, Бог знает, когда обедать придётся.

Поглощённый размышлениями о предстоящем визите, Жека отрицательно покачал головой. Волнение лишило его аппетита. Залпом выпив чай (кофе он пил вечером, для бодрости), он тщательно оделся и, кивнув на прощанье, вышел на лестничную площадку. Вскоре, бережно прижимая к животу сумку с рукописью, он уже спускался в ближайшую станцию метро, стараясь не поскользнуться на влажных ступенях.

Поездка в переполненном московском метро одновременно и взбодрила, и утомила его. И когда колышущийся темно-серый поток пассажиров вынес Евгения Борисовича на поверхность, он решил пройтись до издательства пешком. Конечно, он волновался, хотя и не желал признаться в этом

самому себе, а размеренная прогулка помогла бы успокоиться.

Он шёл медленно, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на вечно спешащих куда-то московских прохожих. Уже давно он отучил себя суетиться, запомнив вычитанную где-то фразу о том, что женщина, когда пишет, видит перед собой зеркало, а мужчина – вечность. Правда, сказано было о живописи, но, поразмыслив, Жека решил, что это высказывание справедливо и в отношении литературного творчества. Ну а перед лицом вечности кто же суетиться? Размышления прервал сильный толчок, который чуть не сбил Жеку с ног. Поправив соскользнувшую с плеча сумку, он обернулся, чтобы пристыдить нахала, но тот уже затерялся в толпе. Зато глазам Евгения Борисовича неожиданно открылось великолепное зрелище.

Он стоял напротив витрины книжного магазина – огромной, сверкающей чистотой. Задрапированный задник придавал особую торжественность пространству, в котором, как на роскошной сцене, вольготно расположились красавицы-дебютантки – десятки нарядных книг. Умелая подсветка делала их прекрасными и желанными. Одни обращали на себя внимание броской суперобложкой, в других привлекали шрифты надписей, третьи выделялись богатством переплёта. На прозрачной подставке из оргстекла, которая была вынесена на авансцену и парила в воздухе, особняком горделиво красовалось издание в темной обложке. Эту книгу, как

победительницу конкурса красоты, украшала алая лента, на которой ярким серебром горела надпись «Новинка».

Евгений Борисович зажмурился. Не смог сдержать довольную улыбку, представив здесь свой роман. Он прикоснулся лбом к холодному стеклу и ему показалось, что из витрины исходит пьянящий, ни с чем не сравнимый запах недавно покинувшей типографию книги. Из блаженного созерцательного состояния его вывело шарканье метлы по тротуару. Жека вздохнул и отошёл от витрины. Покрепче прижав к себе сумку, прибавил шаг. До заветной двери оставалось совсем немного.

Издательство располагалось в старинном особняке. Войдя в вестибюль, Евгений Борисович откинул капюшон куртки и вежливо поздоровался с охранником, немолодым грузным человеком, одетым в некое подобие военной формы. Тот снисходительно кивнул в ответ и выжидающе посмотрел на Жеку.

– Не подскажете, как мне пройти в отдел прозы?

– Вам назначено? – строго поинтересовался охранник.

– Нет, но... – не дослушав объяснений, охранник молча показал Жеке на прикреплённый к стене телефон. – Наберите 071 и излагайте. Жека хотел ещё что-то сказать, но передумал. Набрал номер и, поздоровавшись, начал объяснять анонимному сотруднику, почему ему совершенно необходимо лично встретиться с редактором, чтобы передать рукопись и познакомиться. Но снявший трубку редактор в ответ

на просьбу пройти в издательство заявил, что у них это не принято, как, впрочем, и знакомиться.

– Вот как, – Евгений Борисович не смог скрыть огорчения. Хотел добавить, что не ожидал встретить в известном издательстве такой формальный подход к творческим личностям, но одумался. Решено же было – не суетиться. Скорее всего, его соединили с простым техническим работником, стоит ли с ним объясняться? – Что ж, тогда я оставлю рукопись на входе. Не подскажите, кому адресовать?

– Рукописи не принимаем. Нам их хранить негде, – бесстрастно проинформировал автора невидимый собеседник. – Пришлите вашу рукопись по электронной почте. Через три месяца мы вам обязательно ответим.

Жеке показалось, что слово «обязательно» было произнесено подчёркнуто энергично, и это его немного успокоило. Значит, рукописи в издательствах уже не принимают... Ничего удивительного в том, что ему это было неизвестно: он человек творческий, организационные вопросы ему решать не полагается. Недаром у каждого писателя на Западе есть свой литературный агент, который всем этим и занимается. Впоследствии об этом стоит подумать. А пока... Пока он напишет предисловие к роману! Подробное, как лирическая исповедь, повествование о сегодняшнем дне, о поездке в издательство – ведь для литературоведов, изучающих творчество писателя, для его биографов такие моменты имеют исключительное значение.

Домой вернулся успокоенный, на расспросы Елены Петровны отвечал коротко, но поел с аппетитом и даже выпил кофе. Раньше обычного. Полюбовавшись на аккуратно подшитый и сброшюрованный роман, положил его в стол. Вдохнул и включил компьютер. Ещё раз взглянул на число, встал и сделал пометку в настенном календаре. Время ожидания пошло.

Как прошли-протянулись эти месяцы (сначала три, потом и четвертый, который вообще показался вечностью) читателю объяснять, наверное, не стоит. Кто из нас не дожидался судьбоносного телефонного звонка, письма, или сообщения? Ходишь как неприкаянный, из рук всё валится, нервы на пределе, терзаешь себя и близких, и несть числа нелюбезным высказываниям, адресным или общего порядка, от которых невозможно удержаться. Словно сидишь под стеклянным колпаком как торсионные часы без пружины, и чудится, что бесшумен ход, что плавно кружится маятник, а на самом деле ни время не идёт, ни ты не двигаешься. Вечность проходит, не обращая на тебя внимания, а ты всё ждёшь, ждёшь...

По прошествии установленного срока Евгений Борисович отослал два письма в издательство – ответа не было. Продав ещё неделю, Жека не выдержал и снова отправился в старинный особняк.

На входе его ожидали перемены. Перед идущей вверх широкой лестницей был установлен металлический турникет,

ощетинившийся толстыми блестящими обрубками. Рядом, широко расставив ноги, стоял новый охранник – здоровенный хмурый парень в камуфляжной форме. Телефона на стене уже не было. Пахло принесенной с улицы слякотью и застарелым сигаретным дымом.

– Вход только по пропускам, – преградил дорогу охранник, когда Евгений Борисович приблизился к турникету.

– Пропустите меня. Мне необходимо пройти в отдел прозы, – с отчаянной надменностью проговорил Евгений Борисович. – У меня возникла проблема, решить которую можно только при личном общении, – Закинув назад голову, он попытался обойти турникет.

– Гражданин, не мешайте работать, отойдите в сторону. Повторяю для непонятливых – вход только по пропускам, – Парень в камуфляже набычился, ощетинился. Казалось, ещё немного, и он зарычит.

– Значит, пущать не велено, – язвительно усмехнулся Жека. Значит, для них он просто маленький человек, такой персонаж со страниц классики. Растерянность сменила обида – жгучая, незаслуженная, она резко сжала сердце. Как пережить такое? С ним, писателем, творцом обходятся как с жалким просителем? Он решительно приблизился к турникету. – Послушайте, вы... Жека высокомерно оглядел охранника. – Позовите своего начальника.

– Чего-о? – не выпавшийся и не совсем стряхнувший похмелье детина навис над невысоким Жекой. Внутри у Же-

ки что-то ёкнуло, он сделал шаг назад, но сумел, не потеряв лица, достойно отступить. Прищурившись, он презрительно вскинулся и громко произнёс «Вы ещё об этом пожалеете!». Не уточнил, кому именно была адресована угроза – лично охраннику, анонимному редактору, издательству или человечеству в целом. Дитина в камуфляже махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху, и, опершись на стояк турникета, снова застыл в угрюмой оборонительной позе.

Очутившись на улице, Жека прерывисто вздохнул, протёр слезившиеся глаза. Что за напасть этот колючий ветер! Что-то бормоча, не замечая встречных он побрел по тротуару. Не успев расцвести, зимний день поблек, с каким-то скрытым злорадством исчезая в темноте. В воздухе кружилась серая ледяная крупа, заставляя прохожих прятать лица и ускорять шаги.

Но сверкающая, манящая книжная витрина была по-прежнему ослепительно прекрасна. Как огромная путеводная звезда она сияла в февральских сумерках, внушая уверенность в неизбежности победы света над мглой, известности над забвением. Евгений Борисович подошёл поближе и невольно отшатнулся. Что это? Книжки, парящие в этом роскошном аквариуме, казались совершенно иными, не похожими на те, что были здесь раньше. В ярком освещении они нагло, как привыкшие к безнаказанности чиновники, взирали на окружающий мир. Как вообразившие себя элитой выскочки, они бахвалились, важничали перед прохожими,

смотрели на Жеку надменно и насмешливо. Они даже как-то распушились, словно сидящие в ряд девицы расправили свои торчащие юбки, стараясь занять как можно больше места и не пустить соперницу. Каждая кичилась успехом, и перебивая друг друга, они шептали нарочито громко, чтобы было слышно окружающим:

– Писатели – это мы! Вот наши книги, их все видят, их читают, о нас пишут и нас приглашают на ток-шоу! А ты кто такой? Где печатался, кто твои читатели? Да и что читать-то? Для издательств ты никто и имя твоё никак!

Жеку бросило в дрожь. Он попятился, плотнее натянув капюшон куртки. Причудится же такое! Заспешил прочь от витрины, но брошенный в спину вопрос разобрал отчётливо: – Тебя хоть один критик заметил?

Озноб усиливался. Хотелось зайти в тепло, согреться. Он огляделся. В глубине переулка матово светился фонарь. У входа в импозантный ресторан красовались припорошенные снегом ярко-зелёные кусты искусственного самшита. Обычно Жека не заходил в такие заведения (ясно же, какие там цены!), но сегодня ему было всё равно. Он с силой толкнул массивную дверь, отодвинул тяжелую штору, не пропускавшую внутрь холодный воздух, и оказался в небольшом уютном зале, за которым угадывался другой, более просторный, вероятно с ярусами – высота потолка позволяла. Дразнящий запах кофе, ванили и свежей выпечки приятно щекотал ноздри.

Уставившись в одну точку, поглощенный невесёлыми мыслями, Евгений Борисович допивал фирменный пенный капучино, когда к нему учтиво обратились:

– Не побеспокою вас, если здесь присяду?

Перед ним стоял весьма пожилой господин, с бородкой и в очках, хорошо и по погоде одетый. В отведённой в сторону руке он держал шапку-пирожок, но не сел, ожидая разрешения Жеки.

– Да, пожалуйста, – равнодушно буркнул Жека. – Всё равно я скоро уйду.

– Что так? По такой погоде не грех и задержаться в тепле. Да и кофе здесь отличный, вы не находите? – старик приветливо улыбнулся. – Не могу удержаться от соблазна выпить чашечку, хотя врачи советуют на травяные чаи переходить. Ну да вам это ещё не грозит, – он внимательно, но дружелюбно взглянул на Жеку. – Бессонницей в вашем возрасте не страдают.

– Я и не страдаю, наоборот – бессонницу только приветствую. И кофе только на ночь пью, мне так лучше работается, – неожиданно для самого себя выпалил Жека.

– А-а! Понимаю, – старик заговорщицки понизил голос. Подождал, пока отойдёт молоденький официант, и продолжил. – Вы, по всей вероятности, человек творческий. Ночью, когда никто не тревожит, лучше работается. Особенно писателям, исследователям души человеческой. Ну что, угадал? – Он достал носовой платок, тщательно протер очки

и, проверив на свет чистоту стекол, повторил операцию. Водрузив очки на нос, улыбнулся Жеке.

– Вы угадали, я действительно писатель, – с некоторой заминкой произнёс Жека. Откинулся назад и с достоинством добавил. – Я отношу себя к начинающим авторам, хотя пишу давно и намерен посвятить жизнь литературе. – Он приосанился, постучал пальцами по столу. – В творчестве я реализуюсь как личность, веду – как бы точнее выразиться (он сделал круговое движение рукой), диалог с миром. Думаю, вы понимаете мою мысль.

– Смею надеяться, что понимаю, – господин хотел ещё что-то добавить, но официант уже снимал с подноса кофе в толстых белых чашках и два пузатеньких фужера с коньяком. – Позвольте угостить вас, – благодушно произнёс старик, жестом приглашая Жеку выпить. – По случаю знакомства.

– Спасибо, я не пью, – Жека решительно отодвинул фужер.

– Да разве я вам пить предлагаю? – изумился пожилой господин. – Так, коньячку для согреву... – Он с наслаждением понюхал содержимое своей рюмки, но пить не стал. Наклонился поближе и, пододвинув Жеке вторую рюмку, доверительным тоном спросил: – Чем же вы так расстроены, голубчик? Критик дорожным катком распластал? Или рукопись в издательстве вернули?

Евгений Борисович вздрогнул. Неужели всё так очевид-

но?

– Видите ли, – начал он уклончиво, водя пальцем по ножке рюмки, – сложилась некая не совсем ясная ситуация. Дело в том, что ... Тут перед его мысленным взором возник мордастый охранник у турникета, и обида с новой силой окатила Жеку мощной волной. Он зажмурился, схватил рюмку и залпом выпил– Даже разговаривать не стали! – запальчиво выкрикнул он, откашливаясь. – Обещали через три месяца ответить, уже четыре прошло и ни гу-гу! Два письма отправил, и никакой реакции. – Жека огляделся, приглашая немногочисленных посетителей кафе разделить его возмущение.

Сидевшая за соседним столиком томная безликая красавица скользнула взглядом по возбуждённо жестикулирующему Евгению Борисовичу, но не сочла его заслуживающим внимания. Напротив, его собеседник, сочувственно наклонив голову, выслушал полный благородного негодования монолог Жеки, но отреагировал неожиданно: – Не ответили, говорите? Эка беда! А представьте, что о вашем труде какой-нибудь литературный критик выскажется, да не просто выскажется, а разнесет в пух и прах. Так отхлещет, что на себя в зеркало смотреть не захочется. Поверьте мне, они это хорошо умеют!

Жека недоумённо пожал плечами.

– Мой роман невозможно, как вы выражаетесь, «разнести». Я его на одном дыхании написал, по восемь часов в день работал. Это качественная авторская проза. Я не боюсь

критики. В конце концов, критик тоже автор.

– Специфический это автор, – пробормотал Жекин собеседник. – весьма специфический. Собственное мнение считает истиной в последней инстанции.

Он помолчал и вдруг заразительно рассмеялся. – Вот вы расстроились, что рукопись вашу не взяли, велели в электронной форме прислать. Так ведь хорошо, что в электронной форме! – Восторг собеседника задел Жеку, он уже собрался обидеться, но тот примирительно коснулся Жекиного рукава.

– Вспомнил я один случай. – Он перестал смеяться, но даже затемнённые стёкла очков не смогли скрыть мелькавшие в его глазах озорные огоньки. – Я ведь живу неподалёку, в двух шагах от издательства. Район, надо сказать, замечательный, летом липы цветут, и публика вокруг интеллигентная... – вздохнув, поправил себя, – во всяком случае, так до недавних пор было. Но не буду отвлекаться. Во дворе чисто, даже собаки, вернее их владельцы, порядок соблюдают. Но есть нюанс: рядом с издательством контейнеры мусорные поставили. Там часто какие-то люди копошатся, выискивают что-то. Я, знаете ли, к так называемым бомжам без неприязни отношусь – многих в последние годы жизнь беспощадно истремила, сил у них противиться не осталось, и вины их в этом нет. Хотя стараюсь всё-таки с ними не общаться. На всякий случай, в кармане всегда немного денег держу.

– В кармане, чтобы кошелек при них не доставать? – до-

гадался Жека.

– Именно так, – поощрительно кивнул рассказчик. – Возвращаюсь я как-то домой, и вдруг из ближайшего контейнера голова лохматая высовывается, в такой, знаете ли, замызганной вязаной шапочке с ромбиком. Матеря на чем свет стоит (да так сочно, затейливо) – «испоганивших» его собственность «девушек с пониженной социальной ответственностью», он методично вышвыривал из бака увесистые пачки бумаги. На мостовую шлепнулась как-то неприлично распахнувшаяся папка, из которой веером посыпались листы с напечатанным текстом. За ней последовала другая папка, потом еще... А бумага-то все плотная, качественная, не дешевая... – с лица рассказчика не сходила улыбка.

Жека болезненно скривился. – Не понимаю, что здесь может быть смешного. Выбросить рукописи в помойку! Просто невысказано!

Пожилой господин подал незаметный знак официанту и вкрадчиво обратился к Жеке: – Однако у вас вроде бы претензии к издательству, не ответили они вам. Или я что-то не так понял?

– У меня иная ситуация, – с апломбом отчеканил Жека. – Они слово не держат, время тянут, не думая о том, как ранимы творческие люди. Уверен, что и прочесть не удосужились (мысль о том, что потому и не ответили, что прочли, Евгения Борисовича не посещала). Таких бездарей, лишённых художественного чутья, нельзя на пушечный выстрел подпускать

к работе с творческими людьми!

Жеке все труднее удавалось сохранять олимпийское спокойствие, приличествующее, по его мнению, творческой элите. Неудержимо тянуло высказаться. Скучавшая красавица с раздражением взглянула на Жеку и демонстративно надела наушники. Перед пожилым господином появился ещё один фужер, который тот вновь пододвинул к Жеке. Слушал он внимательно, издавая невнятные восклицания явно поощрительного характера.

– Я ведь, можно сказать, рожден для творчества, – не унимался раскрасневшийся Евгений Борисович. – С пяти лет сочинял, жаль, что не все записывал, не сразу осознал своё призвание! – Он не заметил, как одним махом проглотил благородный напиток. Голова приятно кружилась. Почувствовав себя совершенно свободным, готовым поделиться сокровенным, он продолжил: – Читавшие мой роман – буду с вами откровенен – мой стиль бунинским называют. Жаль, нет с собой рукописи, могли бы ознакомиться, уверен, сразу бы мощь, глубину почувствовали. – Он взмахнул рукой и с сожалением посмотрел на пустой фужер. Вроде бы там еще что-то было?

Пожилый господин вздохнул, зачем-то снял и вновь надел очки и тихо спросил, глядя на Евгения Борисовича: – Позвольте спросить: по какой именно причине вы решили стать писателем? И как бы про себя добавил: – Не всякий, кто умеет писать, может назвать себя писателем.

– Люблю литературу, – потупив пылающий взор, признался Евгений Борисович.

– Да кто ж её, матушку, не любит... Вот только любя, терзаем мы её беспощадно, – неожиданно серьезно, с грустью проговорил его собеседник. – И то сказать: на российской почве писатели, как грибы после дождя, растут. Грамоте обучены, интернет под рукой, а главное, есть на кого опереться – за спиной такие исполины отечественной словесности! Рядами стоят. Тут даже поколение, выросшее на Гарри Поттере, сподобится бойко по клавишам стучать.

Такое умоzakлючение показалось Жеке обидным, он хотел подобающим образом ответить, но незнакомец опередил его: – Да вы, батенька, не обижайтесь. Зачем же всё на свой счёт принимать? Рассуждать надо широко, мыслям полёт нужен, образность... Вот вы в любви к литературе признались, и я верю вашему чувству. А знаете, как лучше всего доказать свою любовь? Не докучайте ей, оставьте вы её, родимую, в покое...

– Кого – оставить? – пробормотал Евгений Борисович, ощутив острую потребность отлучиться. Когда вернулся, за столиком никого не было. На блюде лежало несколько мелких банкнот, но счёт отсутствовал. Официант, который подошёл, чтобы убрать посуду, сказал, что с ним уже рассчитались. Жека пожал плечами, хотел было добавить банкноту, но передумал.

Путь домой в памяти не отложился. В голове был ка-

кой-то туман, мысли путались, и уже в подъезде, прислонившись к холодным лестничным перилам в ожидании лифта, он вспомнил, что неожиданный собеседник не представился. Честно говоря, это Евгения Борисовича особо не смутило, главное, что слушал внимательно, не перебивал. Правда, в конце что-то неприятное сказал – тут Жека энергично потер лоб – но вот что именно, не припоминалось.

Долго не мог уснуть, вновь и вновь переживая случившееся. Его не услышали, проигнорировали. Его роман, скорее всего, даже не стали читать. Его, писателя Евгения Картасонова, просто стерли за ненадобностью, как лишнюю фразу в тексте...

Под утро навалился кошмар. Он как-бы вновь очутился перед поразившей его витриной, где книги превратились в экзотических птиц, гордо выставляющих на обозрение свои грудки в разноцветных перьях. Наклоняя головки, они клювами, как указкой, водили по грудкам-обложкам, приглашая окружающих прочесть и запомнить выделенные выпуклым красивым шрифтом название книги и имя автора. Ликующее щебетание усиливалось, каждый вёл свою партию и казалось, что нет такой силы, которая заставит их умолкнуть. Вдруг зловещая тень нависла над торжествующей, уверенной в собственной неотразимой привлекательности стаей. Книги-птицы всполошились, съёжились, заискивающе закивали головками.

Раскинув крылья, в витрину ворвалось чёрное, отливаю-

щее нефтяным блеском пернатое существо с твердым крючковатым клювом. Через крыло у него была перекинута муаровая лента, которую крепила нарядная, похожая на георгин розетка, составленная не из ленточных лепестков, а из металлических перышек, которые когда-то венчали перьевые ручки. Перышки походили на птичьи головки, но вместо глаз у них были маленькие прорези. Выпуклыми металлическими буквами сверкала на ленте угрожающая надпись...

...Нет, не прав будет тот, кто подумает, что надпись гласила «Государственная цензура» или «Служба судебных приставов». Цензуры, да ещё и официальной, уже давно нет, а служба судебных приставов писателями не интересуется – кто им, горемычным, кредит-то откроет? Нет, эта надпись была напитана нервнопаралитическим ядом, убивающим способность творить. «Золотое критическое перо федерального значения» – вот что было начертано на этой ленте, которая все увеличивалась и скоро стала похожей на парящий в воздухе рекламный баннер, который невидимое уже существо, словно воздушная гимнастка под куполом цирка, тащило за собой...

Евгения Борисовича разбудили вороны, выясняющие за окном свои непростые отношения. Он открыл глаза. Ощутил прилив физических сил. Будущее представлялось чётким и ясным, как картинка на мониторе компьютера. Он понял, каким образом можно заставить слушать себя, как прогнуть под себя этот изменчивый мир. Написанные им тексты будут

читать и обсуждать! Больше того – для писателей его слово
будет решающим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.